

14. The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/> (дата обращения: 21.09.2015).

15. Vojvodina Basic Facts// Официальный Сайт Автономного края Воеводина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina> (дата обращения: 21.09.2015).

16. Welsh Language Act 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents> (дата обращения: 05.09.2015).

17. Welsh language skills by local authority, gender and detailed age groups, 2011 Census [Электронный ресурс]. URL: <https://statswales.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-Gender-DetailedAgeGroups-2011Census> (дата обращения: 05.09.2015).

18. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/access-to-knowledge/linguistic-diversity-and-multilingualism-on-internet/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращения: 05.09.2015).

19. Валлийский язык // Лингвистическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://linguapedia.com.ua/writing/welsh.html> (дата обращения: 05.09.2015).

20. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств с пояснительным докладом (перевод на русский язык)// Сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/textcharter/Charter/Charterexpl_rus.pdf (дата обращения: 05.09.2015).

21. Кобрин К. О национальной гордости валлийцев: рецензия на книгу Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. St.Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. 42 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm> (дата обращения: 05.09.2015).

22. Полный список подписей и ратификации договора № 148 // Сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/148/signatures?p_auth=VvN4ela5 (дата обращения: 05.09.2015).

23. Приход Тюдоров и Акт об Унии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cymraeg.ru/hanesymru/pennod09.html> (дата обращения: 05.09.2015).

24. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории/ Эгберт Ян; [пер. с нем. М. А. Елизаревой]. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

25. Тошович Б. Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому [Электронный ресурс]. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no25_ses/contents.html (дата обращения: 10.10.2015).

УДК 325.14

Ю.В. ВАСИЛЕНКО

НАЦИОНАЛЬНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» – ПЕРМЬ

E-MAIL: YUVASIL@YANDEX.RU

ИММИГРАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕС: ОПЫТ ПЕССИМИСТИЧЕСКОГО СЦЕНАРИЯ

В статье предложен пессимистический сценарий политико-институциональной трансформации Европейского Союза под воздействием такого фактора, как чуждая в культурно-цивилизационном

плане иммиграция. Особое внимание уделяется последствиям этих трансформаций для будущего России.

Ключевые слова: иммиграция, политические институты, Европейский Союз, традиционализм.

Yu. V. Vasilenko

National Research University «Higher School of Economics» (Perm)

IMMIGRATION AND TRANSFORMATION OF EU: AN ESSAI OF THE PESSIMISTIC SCENARIO

The article suggests a pessimistic scenario of political and institutional transformation of the European Union under the influence of such factor as alien immigration in the cultural and civilizational terms. Particular attention is paid to the consequences of these transformations for the future of Russia.

Key words: immigration, political institutions, European Union, traditionalism

Иммиграция для нашей цивилизации, которую мы могли бы называть евро-христианской, – явление ординарное. Христианский мир, постоянно и разными способами расширяя на протяжении многотысячелетней истории свои культурно-цивилизационные границы, давно научился и навязывать себя окружающему миру, и привыкать к притокам «чужих», выработав в своей с претензией на универсальность великой культуре соответствующие философско-мировоззренческие установки. Отсюда производны во многом и два идеологических модуса, которые существуют сегодня в подходах нашей цивилизации к проблемам иммиграции: условно либеральный, если использовать англосаксонские понятия [3], т.е. нацеленный на постепенное включение «чужих» в социальные структуры нового для них сообщества и отличающийся последовательной толерантностью к их этнокультурной специфике; и условно консервативный, стоящий на страже цивилизации и ее «культурного канона» и поэтому относящийся к любым новым волнам иммигрантов с заметной долей опаски и плохо скрываемой неприязни.

Мощнейшая иммигрантская волна так называемых «беженцев» из ближневосточных и не только государств, обрушившаяся на Западную Европу во второй половине 2015 г., продемонстрировала всему мировому сообществу, помимо всего прочего, институциональную, скажем так, хрупкость Европейского Союза, неспособного, как это вдруг выяснилось, ни защитить свои границы от внешнего нашествия (что бы они делали, если бы на них двинулись пресловутые русские танки?), ни найти устойчивого в собственном сообществе консенсуса по про-

блемам иммиграции. Если же подходить к проблемам иммиграции с более узкой – сугубо политологической – точки зрения, то картина получается не только довольно интригующей, но и имеющей к нашей стране самое прямое отношение. Мы попробуем нарисовать исключительно пессимистический сценарий развития событий, поскольку оптимистический при выборе политического курса требует куда меньшей ответственности и осторожности.

Как представляется, в самое ближайшее время мы можем ожидать в Западной Европе наступления новой «консервативной волны» [1; 2; 4], которая приведет к власти не только правоцентристские (более-менее либерально-консервативные) политические партии, но и, вполне вероятно, праворадикальные. Конечно же, речь ни в коем случае не идет ни о фашизме, ни о расизме; эти политические идеологии и практики давно изжиты в Западной Европе и находятся как максимум на глубокой периферии и едва ли могут на что-то надеяться. Речь, как представляется, может идти о тех партиях, которые мы можем назвать в целом традиционалистскими, но с обязательным выходом в более правый – праворадикальный или экстремистский – консерватизм; именно эти партии, выступающие, как правило, на алармизме, упрощении социально-политической реальности и имеющие склонность к прямому политическому насилию, транслируют сегодня наиболее гомофобские политические лозунги в отношении всех прибывающих в ЕС иммигрантов и не только.

Что означает приход данных политических сил к власти для Западной Европы (во-первых) и, что в определенном смысле важнее, для России (во-вторых)?

Во-первых, идеологические парадигмы любой серьезной политической партии никогда не выстраиваются на одном вопросе, сколь бы важным он ни был «здесь и сейчас». Любая политическая идеология, реально претендующая хоть на что-то, всегда имеет глубинные философско-мировоззренческие и культурно-цивилизационные уровни, над которыми надстраиваются уже более конкретные политико-институциональные «проекты», более или менее скрывающиеся за туманом публичных выступлений политических практиков на «злобу дня».

Отсюда приход к власти традиционалистов или – хуже – праворадикальных консерваторов может заметно трансформировать существующие сегодня политико-институциональные структуры Европейского Союза. В каком направлении?

Во-первых, мы можем ожидать всплеск политического влияния так называемых «традиционных религий» (прежде всего католицизма и православия), находящихся на сегодняшний день в довольно сложном положении. Отделенная от светского государства и даже иногда открыто преследуемая им, Римская католическая церковь, например, находится в странах ЕС, скажем так, на «запасном пути» политическо-

го процесса, терпеливо выжидая благоприятных условий для «контрнаступления» и даже исторического реванша. Непредсказуемое же по своим последствиям противостояние христианского и исламского миров на территории Европы может не только существенно дестабилизировать социально-политическую обстановку в целом, но и привести к эксцессам настоящей религиозной войны с массовыми потерями с обеих сторон.

Во-вторых, в контексте нынешних вооруженных конфликтов в Сирии и не только возможно усиление так называемой «колониально-империалистической политики» великих европейских государств, сохранивших свои связи с бывшими колониями и подвергающихся сегодня наибольшему иммиграционному давлению с их стороны. Все эти государства привыкли к тому, что они экспортируют свою великую культуру во внешний мир, и не привыкли к вторжению чужой культуры на свою территорию. Очевидно, что традиционалисты, особо упирающиеся на собственный «культурный канон», всегда с огромной неприязнью смотрят на «импорт» чужой культуры, которая не только не желает интегрироваться в западно-европейскую, но и открыто отрицает саму идею какой-либо позитивной интеграции и – более того – склонна к поглощению чужих культур в неменьшей степени, чем любая евро-христианская.

В-третьих, как мы знаем из истории, все европейские национализмы XIX-XX вв. выстраивались на основе слияния безальтернативно христианских культур (как максимум – католицизма, протестантизма и православия). На данный момент в Западной Европе нет ни одного позитивного опыта национального строительства из этнокультурных компонентов, имеющих радикально различное религиозное происхождение, т.е. по формуле «христианство + ислам» или «христианство + буддизм». Отсюда все разговоры о гармоничной интеграции различных культурно-цивилизационных компонентов в рамках одного национального государства можно признать как утопическими, так и потенциально опасными для единства данного государства. Политика «мультикультурализма» продемонстрировала данное обстоятельство во всей полноте. При этом соединение двух религий в рамках одного государства неизбежно ведет к его распаду по культурно-цивилизационным границам даже в том случае, если речь идет о христианских культурах (примеров тому также огромное множество). Что уж говорить о религиях нехристианских. Понятно, что традиционалисты, связывающие культурный субстрат собственной нации с определенной религией, едва ли потерпят чуждые религиозные «прививки», и поэтому они будут просто обязаны начать политику, направленную на их вытеснение как минимум на периферию общественной жизни. Последнее, кстати, происходит уже и сейчас; другое дело, что процесс этот идет довольно мягко, поскольку его острота снимается относи-

тельным социально-экономическим благополучием богатых западно-европейских государств. Отсюда остается только гадать, как поведут себя «цивилизованные народы», когда они данного благополучия лишатся.

В-четвертых, не менее радикальные изменения, как представляется, могут произойти и в политико-институциональных структурах государств Европейского Союза. Дело в том, что традиционалистские – и тем более все праворадикальные – партии в Западной Европе всегда отличались своим критическим отношением к существующим политическим системам, что выражалось в их более или менее открытой приверженности монархизму (антиреспубликанизму), авторитаризму (антидемократизму) и централизму (антирегионализму). Взятые вместе, эти три политико-институциональных компонента вполне могут привести к власти авторитарных диктаторов, которые изменят общий политический вектор своих сегодня демократических государств, каким он сложился после Второй мировой войны, принципиально.

Что все это может означать для современной России? Прежде всего, при самом пессимистическом сценарии развития событий мы можем ожидать рост межрелигиозных столкновений в странах еврохристианской цивилизации (не только в Западной Европе), усиление агрессивной колониально-империалистической политики этих государств (очевидно, за пределами европейского континента) и последовательное проведение их правительствами жесткой и, можно даже сказать, цинично-прагматической политики с целью защиты собственных национальных интересов, понимаемых предельно узко. Все это самым неблагоприятным образом скажется на взаимной торговле и культурном обмене России с этими странами, политику которых можно будет описать одним словом – «закрытость».

С другой стороны, необходимо также признать, что «ворон ворону глаз не выклюет», т.е. новые западно-европейские «диктаторы», если они все-таки смогут состояться в данном качестве, должны отнестись к становящейся российской демократии со значительно большей степенью снисходительности, чем любое из нынешних либерально-буржуазных правительств ЕС, использующих в своей внешней политике демократическую риторику как своеобразную «паллицу» для явной агрессии и наступления на недемократические, с их точки зрения, государства. Насколько внешняя поддержка антидемократических сил в современной России может являться для нас благом – вопрос открытый, поскольку привычное для нас отсутствие демократических традиций и соответствующих им политических практик никогда не являлось препятствием для поступательного развития нашего государства и – шире – цивилизации. Вместе с тем, отвергнутые идеалы либерально-буржуазной демократии как генерального вектора политического процесса, утверждаемого в таковом качестве на протяжении минимум

полувека как безальтернативного (отсюда и «конец истории» в интерпретации Ф. Фукуямы [5]), может смутить в России многие умы (вялотекущая шизофрения отдельных представителей нашей так называемой «внесистемной оппозиции» довольно известна) и подвинуть их на революционно-террористическую деятельность, что опасно в любом случае.

В данной ситуации мы также можем допускать и распад Европейского Союза, что сегодня станет уже не меньшей геополитической катастрофой, чем распад Советского Союза двадцать пять лет назад. Дело в том, что все традиционалистские партии ЕС являются последовательными «евроскептиками», призывающими развивать межгосударственные отношения по британской модели, т.е. по формуле «каждый с каждым» и на сугубо взаимовыгодных условиях без каких-либо оглядок на Брюссель как некую общеевропейскую столицу, где заседает бюрократия ЕС. С одной стороны, это предоставит России новые возможности и оперативный простор, поскольку освободит ее внешнеполитических партнеров от излишней опеки со стороны старшего брата в лице США или ЕС; однако, с другой – сделает политическую карту Европы менее предсказуемой, что автоматически повлечет за собой и новые сложности.

Таким образом, нарисованный нами пессимистический сценарий политико-институциональной трансформации Европейского Союза под воздействием всего лишь одного фактора (иммиграционной волны) не только бросает России новые вызовы и требует от нее новых ответов; но и заставляет наше правительство и политическую элиту в целом относиться к принимаемым решениям более ответственно и осторожно; т.е. быть консерваторами в лучшем смысле. Мир, в котором мы живем, все еще далек от фантазий человечества об обретении земного рая и по-прежнему полон самых различных опасностей, чреватых гибелью как целых государств, так и цивилизаций.

Библиографический список

1. Мельвиль А.Ю. «Консервативная волна»: сегодня и завтра // США: экономика, политика, идеология. 1986. № 8. С. 3–15.
2. Мельвиль А.Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов. М.: Наука, 1986.
3. Рахшмир П.Ю. Консерватизм и либерализм: границы консенсуса и конфронтация // Исследования по консерватизму. Вып. 3: Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы / сост. и науч. ред. П.Ю. Рахшмир. Пермь, 1996. С. 9–16.
4. США: консервативная волна / введение и общ. ред. А.Ю. Мельвиля. М.: Прогресс, 1984.
5. Fukuyama F. The End of History // The National Interest. 1989. № 16. P. 3–18.